

Сотворенная эволюция собственно потребителем

Теории общественного развития во многих случаях базируются на анализе системы человеческих интересов как движущей силы прогресса. Считается, хотя и не бесспорно, что производственные отношения и политические процессы определяются технологическим уровнем производства и степенью совершенства общественного хозяйства. Марксисты формулировали это положение в виде закона обусловленности производственных отношений уровнем и характером развития производительных сил. История же развития мировой экономики и особенно последние события на мировых рынках, подтверждают очевидный факт, что радикальные перемены во всей организации общественного производства стали следствием не столько качественных изменений производительных сил, сколько изменением психологии человека. Индивидуальные предпочтения человека, духовное развитие его личности определяют новую общественную суть, где прежние принципы единства общественной жизни заменяются принципом свободы. Всем давно известна простая истина – свобода не может быть полной; стремления и интересы одних людей сталкиваются с интересами других, что приводит к социальным парадоксам (Кондорсе); конфликт между личным интересом и интересами коллектива – главная проблема свободного общества (вариант К. Эрроу трактовки парадокса гласит, что теоретический выбор между социальным развитием и благосостоянием сделать невозможно). Еще Ницше, в отличие от многих философов, рассматривающих человека, как устоявшуюся сущность, полагал, что человек в отличие от других биологических видов находится в процессе становления. Кейнсианская модель времен Великой Депрессии доказывает неспособность сбережений стать инвестиционным капиталом (Д. Белл). Это положение проясняет следствие трансформации психологии массового потребителя в развитых странах, приведшую к тому, что желание умножать материальное богатство перестает быть основой для морального лидерства, обеспечивающего в какой-то мере прогресс цивилизации, а главным инструментом в достижении цели становится нематериальный интерес – власть! Настоящий человек тот, чья совесть чиста перед его волей к власти (Ницше); у Ф. Бекона в его «Новая Атлантида», один из основателей Дома Соломона так описывает его назначение: «Цель нашего заведения есть постижение причин скрытого движения вещей

и расширение человеческой империи до ее максимально возможных пределов». Утилитарное представление о материальном благополучии, в том числе и духовном развитии, обусловлено влиянием категорического императива, повелевающего ниспровергнуть все отношения, в которых человек представляется ущербным (И. Кант).

Формирующийся тип деятельности, мотивированной над утилитарным интересом, воплощается в стремлении попасть в доминантные группы общества, особенно для представителей праздных классов и социальных прослоек «золотая молодежь». Сформированный тренд вскрывает отношение вновь образованных «хозяев» жизни к представителю социального класса (пользующийся социальными гарантиями государства) и отражает механизм противоречий материальных интересов этих субъектов, выражаемый в различных демонстративных формах личной собственности (демонстративное потребление), обоснованных парадоксах Т. Веблена: у праздного класса с ростом цены растет спрос.

Особое значение придается исследованию внутреннего мира человека, как активного субъекта рынка и его влияния на развитие социальных процессов. Осознавая креативный потенциал человека, его роль в ускорении развития общества, работники сферы культуры, оторванные от сферы реальной жизни и экономики, рассматривают себя в качестве движущей силы прогресса и основателей новых форм общественных структур. Эта идея, внедряемая в сознание трудового народа, с помощью НПО, представлялась (и представляется, по ныне) им вполне естественной и разумной.

Современная философия (прагматизм), обслуживающая интересы крупных торговых организаций и товаропроизводителей максимально полно использует свои установки для достижения поставленных ими целей: максимизации присвоения ценностей, через максимизацию объемов продажи и роста долей рынка. Закономерным следствием влияния философии максимизации присвоения стало противостояние индивидов и социального класса, стремление которого удовлетворить свои материальные притязания за счет ущемления интересов других всячески поощряется прагматической идеологией государства: «я подумал, что это принесет мне выгоду, значит это правильно и законно!».

Смена господствующих экономических воззрений происходит намного медленнее, чем мировоззрение их объектов-субъектов (людей) и структур их объединяющих (рынки). Многообразие экономических концепций при единстве объекта – субъекта, показывает историю поиска эффективных путей и способов вовлечения его в процесс товарного обмена, – процесс «купли – продажи», где социальному классу – потребителю товаров массового спроса, уготована роль восторженного

зрителя на ярмарке тщеславия, у которого в сознании формируется непреодолимое желание, – повторить увиденное! Но, у многих «зрителей» происходит «великий разрыв», Ф. Фихте (Бегство от Свободы), они прозревают и начинают думать, что «лучше умереть, чем так жить». Лев Гумилев (Древняя Русь и Великая степь), назвал таких «пассионариями», способных к инновационному сдвигу. С каждым следующим поколением новые системы мотивации принимаются все более широким кругом потребителей и нематериальные интересы становятся доминирующими в обеспечении социального развития. Формирование ценностей и стремлений, не обусловленных материальными выгодами становится приоритетом государства, например, формирование мировой концепции сексуальной свободы, поощрение движения ЛГБТ. Человеку навязывается совершенно фантастическая идея Ф. Ницше, – «создать за пределами возможного себя!», где в основе лежит побудительный мотив – самореализация (О. Шпенглер «Закат Европы»). Это не могло быть не замеченным теоретиками построения «Райского сада», типа Ж. Борреля». Но это только ширма. Формирующийся класс нематериалистически ориентированных людей (В. Иноземцев), якобы не ставящих своей целью присвоения богатства, обретают реальный контроль над процессом общественного производства с последующим его присвоением. Новый класс получает от своей деятельности то, к чему формально не стремился.

Бесконечные классификации человеческих потребностей, за которыми следуют такие же бесконечные модели и стратегии их удовлетворения, основанные на рекомендациях по развитию национальных экономик (на примере рекомендаций Евросоюза по программе Восточного партнерства), могут смутить разум обещанными благами даже продвинутому пассионарию.

Новое социальное деление способно вызвать и новые проблемы. Неизбежным следствием развития глобализации отмечен резкий рост относительного неравенства, повышающего социальную напряженность (управляемую бедность), полезную в интересах наиболее развитых стран. Участвующие в этом процессе начинают догадываться о возможных последствиях, в том числе, изменениях социальных гарантий, трудовых отношениях, мнимом свободном труде и т.д. Пока общество ориентировалось на экономические ценности, существовал «консенсус» средств достижения цели – повышения уровня жизни, в чем, в какой – то степени были заинтересованы и заняты работники. Ставя перед собой неэкономические цели (общественное признание, желание подняться до уровня новой элиты общества), большинство из «догоняющих» не смогут достичь этой цели, потому что не имеют

шансов, поскольку желание и возможности для получения качественного образования даются человеку в детстве, а интеллектуальные способности обусловлены наследственностью человека: рано или поздно эффект «из грязи в князи» даст о себе знать.

Главная опасность этого социального «дивергента» в том, что цели и результаты деятельности формирующихся групп – противоположны. В ближайшее время, это неравенство может стать тем камнем преткновения, о котором писал Э. Дюркгейм в работе «Самоубийство», о социальных типах категорий понимания, о так знакомом нам мотивам дивантологии, о препятствиях на пути становления нового социума. В уже сформированном обществе, в его эпистемологии происходящие социальные процессы выступают как естественные, в категориях доступных для осознания участников. Эти изменения свидетельствуют о прогрессивном характере развития общества и дают основания для оптимистических оценок его перспектив. Тем, кто знаком с работами Э. Кондильяка, Г. Мабли понятна реакция общества – желание познать мотивы поведения людей и проявление воли к преобразованию изменений, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что они (изменения) обусловлены фундаментальными направлениями перемен и в силу этого неустраимы, как тенденции.

Маркетологам хорошо известна кривая Вундта (кривые усталости). Объем сознания (количество впечатлений, удерживаемых памятью одновременно) не ограничен, если информация постоянно дополняется и объединяется во все более крупные массивы. Мы говорим о неравномерности распределения богатства, об отсутствии эффективных механизмов справедливого обеспечения имущественного равновесия, умалчиваем о возможных последствиях такой политики (социальной усталости). Говоря словами из песни В. Высоцкого «я лег на изгибе бытия», ситуация, где движущей силой развития является не экономика, не просто жажда богатства, а желание превзойти других в накоплении: богатые резко увеличили долю присвоения национального дохода, а бедные столь же быстро – степень обнищания. Этот парадокс напрямую связан с социальной активностью по лекалу кривой Вундта.

Законы технодинамики, как и все другие законы, неумолимы в своем действии на технические системы, а значит и на производство. Организация производства должна соответствовать тенденциям роста потребностей, достижение предела которых уже не обеспечивает прежняя динамика хозяйственного процесса. Задача исследователя не в констатации факта завершения очередного этапа технологического развития, соответственно и экономического развития, а в осмыслении и изучении рыночных тенденций, отражающих эволюцию товарного

хозяйства. Сегодня вряд ли возможно убедительно охарактеризовать будущий этап общественного развития, на основе наблюдаемых этих тенденций, но именно сегодня, можно и нужно говорить о наступающей эпохе, о завтрашнем дне, о рынках Хэмела (Ключевые компетенции). Глобальная экономика отличается от международной, как система объединения рынков (без конкурентов) капитала, валют и ресурсов (империализм, по определению). Страны утрачивают контроль над своими национальными ценностями, в том числе национальную культуру.

В первом послании к коринфянам Апостол Павел писал: «Бойся новизны слов и споров лженаук» (Первая книга Моисея. Бытие.). Основопологающий характер определения этой эпохи с точки зрения идеи послания подчеркивается тем, что мы способны в качестве субъекта глобализации отказаться от участия в мировом эксперименте по обману потребителя, как скрытой формы монополизации мировых товарных рынков.

Список использованных источников

1. Б. Селигмен Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории. М.: Прогресс, 1976, 454с.